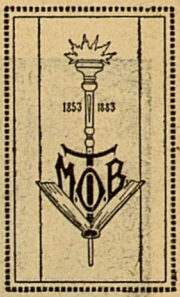


Гос. Публичная библиотека в Ленинграде

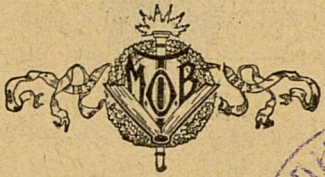
Она опустила голову на кровать.

БОСОНОЖКА НИНОНЪ

№ ~~11093~~. 11029

РАЗСКАЗЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 1 рисункомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13

Москва
Кузн. М., 12 и Тверская, 22

1914

ФИЛИССКАГО СОБРАНІЯ
БИБЛІОТЕКА
ГОС. П. БИБ-КА

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М-О-БОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ-ВАС-ОСТР-10-ЛИНІЯ СОБ-ДОМЪ

БОСОНОЖКА НИНОНЪ

I.

Въ одной изъ комнатъ дорогой петербургской гостиницы, на кушеткѣ, стоящей напротивъ камина, лежитъ, кутаясь въ пушистый мѣхъ тибетской козы, молодая дѣвушка.

Яркое пламя камина освѣщаетъ ея лицо, некрасивое маленькое смуглое личико съ большими, точно испуганными, черными глазами и капризными линіями рта.

Это—прибывшая наканунѣ въ Петербургъ знаменитая Ninon, юная танцовщица-босоножка, о пріѣздѣ которой столичныя газеты оповѣстили торжественно своихъ читателей, какъ о пріѣздѣ «знаменитости».

Дѣйствительно, Ninon уже успѣла пріобрѣсти заслуженную громкую извѣстность своими оригинальными и своеобразными танцами...

Пріѣхала она въ холодный Петербургъ прямо изъ Испаніи, гдѣ въ это время уже зрѣли апельсины, миндаль и гранатъ, и изъ знойной южной весны попала въ мокрую, дождливую, непривѣтливую петербургскую погоду. Немудрено, что она все зябнетъ, что ей холодно.

Пріѣхала Ninon въ обществѣ своей постоянной спутницы и учительницы танцевъ, донны Анжелики, по приглашенію директора одного изъ петербургскихъ театровъ, съ тѣмъ, чтобы выступить передъ новою публикою.

Когда кто-нибудь спрашиваетъ о происхожденіи Ninon донну Анжелику, послѣдняя отвѣчаетъ, что мать Ninon была француженка, отецъ испанецъ.

Этому охотно вѣрятъ. Смуглое личико съ большими черными глазами само говоритъ за южное, не русское происхожденіе дѣвушки. Притомъ Ninon танцуетъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ воодушевленіемъ, вноситъ столько огня въ свое исполненіе, что сразу точно чувствуется, что она южанка.

Такъ не танцуютъ на холодномъ сѣверѣ. Не даромъ имя молоденькой босоножки-плясуньи уже успѣло облетѣть чуть ли не полміра. И несмотря на юный, очень юный возрастъ, Ninon уже поль-

зовалась громкою извѣстностью всюду, гдѣ интересовались танцами.

II.

— Ты что же долго намѣрена такъ валяться? А твои утреннія упражненія? Или ты забыла о нихъ?— раздается крикливый голосъ донны Анжелики.

Несмотря на свое испанское происхожденіе, донна Анжелика великолѣпно говоритъ по-русски.

Ninon устало поднимаетъ на свою учительницу грустные глаза.

— Дайте мнѣ полежать еще немного... Мнѣ что-то нездоровится нынче. И потомъ, такая тоска!— говоритъ она тихимъ молящимъ голосомъ.

Но донна Анжелика рѣзко поднимаетъ Ninon съ кушетки, схвативъ ее за руку.

— Вставай, вставай! Нечего нѣжничать. Пора на работу. Не забывай, вѣдь сегодня твой первый выходъ въ Россіи, въ Петербургѣ... Ты должна понравиться публикѣ, чтобы получить у здѣшняго директора ангажементъ на нѣсколько вечеровъ на будущій годъ... А русскихъ труднѣе расшевелить нежели испанцевъ, итальянцевъ и французовъ. Нужно исключительно хорошо плясать, чтобы понравиться имъ.

Донна Анжелика говоритъ всегда такъ, точно сердится. И глаза у нея притомъ округляются,

какъ у птицы, а лицо краснѣетъ отъ волненія.

Ninon знаетъ прекрасно, что директоръ театра, въ которомъ она выступитъ въ качествѣ танцовщицы, заплатилъ доннѣ Анжеликѣ большія деньги за всѣ три выхода «знаменитой босоножки», какъ величали ее расклеенныя по городу трехъаршинныя афиши. Необходимо оправдать его довѣріе и покорить своимъ искусствомъ холодную, избалованную петербургскую публику.

Ninon медленно направляется на середину комнаты, бросивъ мѣховую шаль на кушетку. Теперь она въ одной коротенькой греческой туникѣ. Босыя ножки ея тонутъ въ пушистомъ коврѣ.

Донна Анжелика беретъ скрипку въ руки и поднимаетъ смычокъ.

— Вниманіе, Ninon, вниманіе!

Но Ninon не надо предупреждать: съ первыми звуками музыки, она вся преображается. Усталое личико оживляется сразу и вдохновенно поднимается кверху... Румянецъ опаляетъ худенькія смуглыя щеки. Горятъ, какъ звѣзды, черные глаза...

Донна Анжелика хорошо играетъ на скрипкѣ. Ея смуглая рука, вооруженная смычкомъ, из-

влекаетъ изъ инструмента, то плачущіе навзрыдъ, то радостно ликующіе звуки. Ninon—вся вниманіе, вся вдохновеніе и восторгъ... Она то птицей носится по комнатѣ, едва касаясь босыми ножками ковра, то застываетъ въ позѣ съ красивымъ жестомъ закругленныхъ надъ черной головкой рукъ, и только ноги ея, вѣрнѣе ступни, выдѣлываютъ на одномъ мѣстѣ изумительное па...

Въ дверяхъ комнаты показывается коридорная прислуга, горничныя, лакеи... Затаивъ дыханіе, они слѣдятъ за пляской Ninon.

Цѣны въ театрѣ слишкомъ высоки для бѣдныхъ людей, а посмотрѣть знаменитую маленькую плясунью такъ хочется!..

Но вотъ оборвалась струна на скрипкѣ. Донна Анжелика опускаетъ смычокъ. Ninon замираетъ въ послѣдней позѣ танца, снова поднимаетъ и набрасываетъ на себя мѣхъ, и уютно устраивается на кушеткѣ. Ей хочется отдохнуть до вторыхъ упражненій, которыя будетъ проходить съ нею черезъ полчаса ея учительница и госпожа.

И, пользуясь минутой отдыха, Ninon съ усталымъ видомъ закрываетъ глаза.

III.

— Кто вы?

— Испанка.

— Гдѣ вы родились?

— Въ Гренадѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Который изъ вашихъ танцевъ вы любите танцовать больше другихъ?

— «Танецъ жизни».

Вертлявый господинъ въ пенснэ спѣшно набрасываетъ отвѣты Ninon въ своей записной книжкѣ, тѣ самые отвѣты, которые ей разъ навсегда продиктовала ея учительница.

А на уста такъ и просятся иные... Но, сохрани Богъ, ихъ нельзя говорить.

Уже вечеръ. Скоро надо ѣхать въ театръ. Нарядная комната гостиницы ярко освѣщена электрическими лампочками. Донна Анжелика, при помощи горничной, укладываетъ за ширмой театральный костюмъ Ninon.

Вотъ раздается ея рѣзкій голосъ:

— Pardon, monsieur, не задерживайте Ninon. Намъ надо ѣхать.

Вертлявый господинъ—репортеръ столичной га-

зеты. Завтра онъ напечатаетъ въ ней статью о пляскѣ Ninon, помѣститъ ея портретъ, который ему вручила донна Анжелика, перескажетъ весь свой разговоръ съ Ninon.

Онъ быстро откланивается и уходитъ. Ему хочется попасть въ театръ во время, чтобы не опоздать къ началу танцевъ.

Ninon, почти совсѣмъ готовая къ отъѣзду, стоитъ посреди комнаты. На ней синій, хорошо сшитый костюмъ и большая, затонувшая въ страусовыхъ перьяхъ, шляпа. Изъ-подъ полей шляпы устало смотрятъ маленькое, худенькое личико танцовщицы и ея большіе испуганно-грустные глаза.

— Мнѣ нездоровится что-то, донна Анжелика... Ахъ, какъ хотѣлось бы сейчасъ прилечь и хорошенько отдохнуть... Я, вѣроятно, простудилась... меня лихорадитъ,—говоритъ Ninon печальнымъ, упавшимъ до шопота голосомъ.

Донна Анжелика, взволнованная, красная, топаетъ въ бѣшенствѣ ногами и кричитъ:

— Отдохнуть! Прилечь! Ты съ ума сошла! Сейчасъ же выкинь эту дурь изъ головы... Сію же минуту!.. И ѣдемъ.. Матреша! Матреша! Подайте барышнѣ шубу и мѣхъ!

И сама, не дождавшись горничной, закутываетъ

Ninon въ теплую на козьемъ мѣху шубку, въ бѣлый капоръ и бѣлый мѣхъ.

Среди бѣлаго мѣха выглядитъ такъ оригинально черная головка Ninon. Еще смуглѣе кажется худенькое лицо, еще чернѣе испуганные глазки.

Ninon медленно, молча, спускается по лѣстницѣ со своей учительницей внизъ къ подъѣзду. На улицѣ ихъ ждетъ моторъ. Донна Анжелика, Ninon и горничная садятся.

Черезъ минуты три быстрой ѣзды онѣ входятъ въ театральный подъѣздъ.

IV.

Передъ зеркаломъ въ театральной уборной сидитъ Ninon. Она почти готова. Парикмахеру остается лишь завить нѣсколько черныхъ локоновъ, красиво сбѣгающихъ ей на плечи и грудь. Они, какъ рамкой, окружили ея худенькое смуглое личико. На черной головкѣ—жемчужная повязка.

Воздушная розовая туника окружаетъ маленькую фигурку танцовщицы словно облакомъ цвѣта утренней зари.

Крошечныя ножки босы...

Донна Анжелика внимательнымъ взглядомъ окидываетъ хрупкую, изящную фигурку и, удовле-

творенная вполнѣ видомъ Ninon, спѣшитъ изъ уборной въ кабинетъ директора. За нею уходитъ и парикмахеръ. Горничная Матреша помогаетъ докончить туалетъ Ninon.

— Тукъ, тукъ, тукъ...—стучится кто-то въ двери.

— Войдите!

Просовывается чья-то рука.

Въ рукѣ большой снопъ лилово-синихъ ирисовъ.

— Для госпожи Нинонъ,—раздается голосъ за дверью.

— Ахъ!

Худенькое смуглое личико Ninon вспыхиваетъ отъ счастья.

Она привыкла къ цвѣточнымъ и цѣннымъ подношеніямъ. Она избалована ими. Но въ этотъ разъ она особенно счастлива, рѣшивъ, что невѣдомые почитатели или почитательницы ея таланта, о которомъ они узнали изъ европейскихъ газетъ, шлютъ ей свой привѣтъ, чтобы ободрить ее, танцующую еще впервые въ Россіи.

О, какъ это трогательно и мило съ ихъ стороны!

Ирисы—любимые цвѣты Ninon... Они напоминаютъ ей многое... И вотъ какъ разъ—лиловые ирисы несутъ ей въ даръ отъ невѣдомыхъ друзей...

Ninon приказываетъ горничной подать ей букетъ, погружаетъ въ него вспыхнувшее личико и, замѣтивъ въ глубинѣ букета записку, быстрымъ движеніемъ руки схватываетъ ее.

На бѣломъ картонѣ карточки всего одна фраза: «*Прелестной Ninon отъ украинокъ*».

Ninon блѣднѣетъ... Потомъ вспыхиваетъ снова... Сердце бьется въ ея груди шибко, шибко... И, снова блѣднѣя, она быстро подноситъ букетъ къ губамъ и цѣлуетъ лиловые цвѣточки...

«Украинки!» О, милое, милое слово!—шепчетъ она чуть слышно, и, заботливо поставивъ цвѣты въ воду, принесенную ей Матрешей, спѣшитъ на сцену.

V.

У кулисы Ninon привѣтствуютъ директоръ и артисты того театра, въ которомъ она выступаетъ. Ей расточаютъ похвалы и тонкую лесть.

Она почти не слышитъ того, что ей говорятъ. Не чувствуя подъ собою ногъ, выходитъ она на сцену.

Въ занавѣсѣ, отдѣляющемъ отъ сцены зрительный залъ, есть крошечное отверстіе для глаза. Ninon быстро приникаетъ къ нему и смотритъ,

смотритъ. О, сколько публики! Сколько блеска! Какая нарядная толпа!..

Но глазъ Ninon скользитъ мимо богатыхъ и блестящихъ костюмовъ. Вѣщее сердце шепчетъ, что «тѣ» «украинки», съ ихъ скромнымъ букетомъ лиловыхъ ирисовъ, ничего общаго не имѣютъ съ богатой публикой партера и ложъ бенуара... И глаза Ninon поднимаются выше, въ верхніе ярусы, въ болѣе дешевыя мѣста театра. Тамъ, въ одной изъ ложъ четвертаго яруса, набралось чуть ли не съ десятокъ дѣвушекъ очень юнаго возраста. Это должно быть гимназистки, молоденькія курсистки. Всѣ онѣ, навѣрное, не петербургскія жительницы. Отъ ихъ взволнованныхъ, оживленныхъ лицъ такъ и дышитъ чисто южнымъ оживленіемъ. Здоровый румянецъ играетъ на ихъ щекахъ. Блестятъ глаза, сверкаютъ бѣлые зубы... Это онѣ... это—провинціалки-украинки, прославшія ей цвѣтъ л. Сердце Ninon подсказываетъ ей это.

— О, милые личики! Дорогія мои, для васъ однихъ буду плясать сегодня!—шепчетъ она про себя.

Съ грустной улыбкой быстро отходитъ она отъ занавѣса, заслышавъ призывный звонокъ.

VI.

О, какъ сладко, какъ упоительно-прекрасна эта музыка! Какъ нѣжно поютъ скрипки, какъ пѣвуче рыдаетъ віолончель!.. Точно издали звучитъ, присоединяясь къ нимъ, красивая флейта... Задавленно-тихи, но чарующе-мелодичны плывутъ плачущіе аккорды арфы...

Подъ эту музыку медленно выходитъ изъ за кулисъ на сцену Ninon, сбросивъ съ босыхъ маленькихъ ножекъ туфли.

Она будетъ танцовать сейчасъ свой любимый «танецъ жизни».

Она будетъ танцовать съ особеннымъ огнемъ нынче, она чувствуетъ это. Лиловые ирисы, оставшіеся въ уборной, вдохновили ее.

Она идетъ... Флейты, арфа, віолончель и скрипки поютъ ей навстрѣчу. И душа ея тоже поетъ, душа маленькой Ninon.

Она медленно поднимаетъ руки и начинаетъ танецъ, въ то время какъ передъ нею проплываетъ цѣлая вереница картинъ...

Синее-синее небо... Небо Украйны, самимъ Богомъ благословеннаго края... Знойное солнце и цѣлая роща бѣлыхъ пушистыхъ облаковъ...

Ковыль тихо шепчетъ въ степи что-то...

Сказку ли, правду ли—не знаетъ никто... Безбрежная степь убѣгаетъ далеко... На горизонтѣ сочетаются двѣ краски—краски синяго неба и зеленой степи...

Тамъ, въ степи, живетъ маленькая дѣвочка, Настя, маленькая Настя-сиротка. Живетъ она на хуторѣ у своего дальняго родственника и опекуна.

Отца она не помнитъ, а мать смутно; но помнитъ и знаетъ хорошо зеленую степь съ ея цвѣтами, дикими цвѣтами лиловыхъ ирисовъ, гвоздики и тмина...

Она любитъ завивать вѣнки изъ этихъ цвѣтовъ... Особенно любитъ лиловые ирисы... Завьетъ вѣнокъ, надѣнетъ его на голову и пляшетъ какъ русалка...

Опекунъ и его дѣти смѣются надъ нею, но Настя не унываетъ. Развѣ можно не плясать, когда кто-то точно толкаетъ ее кружиться!..

Хуторъ опекуна находится подъ Полтавой, въ самомъ сердцѣ Малороссіи. Въ Полтавѣ есть пансіонъ для «благородныхъ дѣвицъ». Туда отдаютъ Настю. Учится она неважно, зато на урокахъ танцевъ поражаетъ и учителя и начальницу и весь пансіонъ. Всѣ удивляются ея своеобразной дикой граціи, изяществу во всѣхъ ея

движеніяхъ... Утромъ и вечеромъ въ дортуарѣ она сзываетъ подругъ и пляшетъ передъ ними. Онѣ восхищаются, приходятъ въ восторгъ...

Противъ оконъ дортуара большой домъ, наполненный жильцами. Въ одномъ окнѣ этого дома часто появляется смуглая дама и въ бинокль смотритъ на Настю, когда она танцуетъ передъ подругами. Говорятъ, что это испанка. Другіе увѣряютъ, что цыганка, третьи, что итальянка. Одно несомнѣнно—она скрипачка, объѣзжающая со своей скрипкой Россію.

Однажды, совсѣмъ неожиданно, она очутилась въ пріемной комнатѣ пансіона и вызываетъ Настю.

Долго, долго шепчутся онѣ о чемъ-то... Незнакомая смуглая дама льстиво намекаетъ Настѣ, что у нея талантъ, крупный талантъ, сулитъ ей блестящую карьеру, утверждаетъ, что она могла бы стать знаменитою танцовщицею, что надо лишь годъ, два, а то даже и нѣсколько мѣсяцевъ поучиться въ школѣ танцевъ за границею и что она, смуглая дама, готова въ этомъ помочь Настѣ... Незнакомка уходитъ. А черезъ недѣлю другую Настя исчезаетъ изъ пансіона. Одновременно ея новая знакомая—скрипачка, исчезла тоже.

Опекунъ не очень встревоженъ исчезновеніемъ своей воспитанницы. У него своя семья на плечахъ, а Настя доставляла ему не мало хлопотъ...

Черезъ полгода въ театральной школѣ въ Туринѣ появляется маленькая танцовщица подъ именемъ Ninon, полу-француженка, полу-испанка.

Донна Анжелика не долго держитъ въ школѣ Настю - Ninon. Дѣвочка дѣлаетъ поразительные успѣхи. Въ четырнадцать лѣтъ она уже готовая танцовщица, и донна Анжелика везетъ свою воспитанницу въ первое артистическое путешествіе по Европѣ и заставляетъ плясать за деньги въ видѣ босоножки.

Слава Ninon растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ короткое время—она знаменитость, о ней печатаютъ статьи въ газетахъ. Ея портреты продаются въ магазинахъ большихъ европейскихъ городовъ.

Ninon довольна. Она тщеславна. Да кромѣ того, она любитъ свое искусство.

Но въ послѣднее время она утомлена, устала...

Или петербургскій климатъ тому виной?

Ей хочется отдохнуть, забыться... Хочется хоть на время спрятаться отъ людей.

И еще—хочется бѣжать отъ ненавистной донны Анжелики, которая такъ безсердечно и безжалостно относится къ молодой своей воспитанницѣ и такъ ловко прикарманиваетъ всѣ деньги, какія платятъ за дебюты Ninon ...

Сегодня однако Ninon точно опять въ ударѣ, точно опять желаетъ щегольнуть, похвалиться своимъ талантомъ, какъ тогда, давно, въ Полтавѣ...

Лиловые ирисы, полученные такъ неожиданно, живо напоминаютъ ей синее небо, золотыя поля и зеленыя степи ея родины, ея милой родины...

VII.

Музыка попрежнему льется сильной волной... Дрожитъ мелодія вдалекѣ...

Ninon стремительно носится теперь изъ одного конца сцены къ другому... Нѣтъ больше усталости, медленности въ ея движеніяхъ. Она вся вихрь, вся—огонь.

Горятъ ея глаза... Пылаетъ смуглое личико... Смѣются губы... Черные локоны вьются по плечамъ... Она вся сейчасъ—олицетвореніе счастья, радости, жизни...

Она точно видитъ передъ собою свою золотомъ облитую Украйну, видитъ синее небо, слышитъ вѣчную сказку ковыля... Ей кажется, будто лиловые цвѣты ириса внизу, побѣгъ пернатыхъ облаковъ тамъ наверху, среди синяго бархатнаго поля...

Ликуетъ ея душа... Радуется сердце...

И она пляшетъ такъ, какъ никогда...

Донна Анжелика, директоръ театра и цѣлая толпа артистовъ толпятся за кулисами и безшумно аплодируютъ ей. Она ихъ не видитъ... Она ничего не видитъ... Нарядная публика въ залѣ не существуетъ для нея. Однѣ только скромно одѣтыя дѣвушки тамъ, въ высокой четвертаго яруса ложѣ, ей видны. Для нихъ она пляшетъ... Онѣ— украинки, дѣти ея далекой, чудесной родины. Для нихъ она и пляшетъ, забывъ весь міръ...

VIII.

Оркестръ смолкаетъ. Ninon обрываетъ танецъ... Громъ аплодисментовъ оглушаетъ ее.

Крики «браво» и «бисъ» чередуются. Восклицанія восторга стономъ стоятъ въ зрительномъ залѣ. Въ партерѣ и ложахъ неистово аплодируютъ нарядныя дамы и блестящіе кавалеры.

Но Ninon равнодушна къ нимъ... Низко кла-

няется она по направленію ложи, гдѣ сидятъ украинки, и съ очаровательной улыбкой, въ отвѣтъ на ихъ изступленные крики восторга, посылаетъ имъ воздушный поцѣлуй...

IX.

Ночь... Тишина... Въ комнатѣ гостиницы, улыбаясь радостною улыбкою, спитъ донна Анжелика. Ей снятся пріятные сны: Ninon имѣла огромный успѣхъ въ этотъ вечеръ; ангажементъ на будущее время обезпеченъ. Эта смуглая дѣвочка сможетъ быть ей полезной. Донна Анжелика довольна ею.

А сама смуглая дѣвочка не спитъ. Она сидитъ у постели, погруженная въ грустныя мысли, потомъ опускаетъ голову на кровать и плачетъ.

Весь ея подъемъ исчезъ... Лиловые ирисы завяли быстро. А съ ними завяли и сегодняшнія лучшія грезы о родинѣ, о милой Украйнѣ, гдѣ ей не быть уже никогда, никогда!..

Скупыя слезы вытекаютъ изъ черныхъ глазъ и мочатъ подушку. Ninon плачетъ... Плачетъ, сама не зная о чемъ. Въ душѣ у нея живетъ теперь только одно желаніе—забыться... отдохнуть... быть самой обыкновенной маленькой дѣвушкой, безъ этой славы, блеска, успѣха и суеты.

Она устала. Устала отъ этого мишурнаго блеска. И сердце бѣдной дѣвочки щемитъ безконечная тоска...

ГПБ Русский фонд
129
3426-3431